

Андрей
ГРУНТОВСКИЙ
г. Санкт-Петербург

Журавли

Наверное, в этом есть что-то языческое... В том, как чтит наш народ пролетающие осенние стаи, как любит их. Осталась ли в генах вера, что птицы улетают на зиму в вырий – древний дохристианский рай, – уносят души усопших. А может быть, ощущает русский человек величие божьего промысла в том, как неотвратимо и точно поднимаются неразумные вроде птахи на крыло и идут, идут вот уже тысячи, а может, и миллионы лет день в день, в любую непогоду одними и теми же маршрутами. Да, птицы – это какая-то магия, знак божий. Особенно журавли.

Алексей Иванович тюкал топориком по маленьку у себя на дворе – тесал бревна на почин бани, когда услышал над головой привычное «курлы-курлы». Он поднял руку, прищурился из-под ладони и хотел приветливо махнуть вслед... Но рука его застыла на полдороге, а в глазах мелькнула тревога: на календаре было 29 июля, – а журавли уже летели на юг.

– Эй, matka, смотри, чего делается... Ваня, Ваня... – кликнул он внука. Внучок так занят был своими играми (он в подражание деду тоже строил домик из всяких обрезков – колотил, как мог) – внучок даже и не обернулся. А старуха-то выглянула

из окна — услышала «курлы-курлы». И, вечно ворчливая, поперечная, «ты мне слово — я те — два», вместо того чтобы взять, как обычно, деда в распил, застыла, глядя в небо с раскрытым ртом...

— То-то, матка, смотри, не балуй у меня. Ишь, чего по нашим грехам учинилось...

— Что же теперь будет-то? — баба чуть не села на месте. — А, старый?

— А то и будет, что по грехам кара.

Станица прошла и скрылась за лесом, будто не было.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... — старик перекрестился и опять затюкал топориком: может, блажные какие, может, не все полетели. Свихнулись там... Счас что человек, что птица — есть от чего свихнуться...

Ночью Алексей Иванович не спал. Как уснёшь?! И когда услышал в третьем часу «курлы-курлы», так и выбежал одним духом на двор в исподней рубахе да в домашних катанцах. Звёзды высыпали ярко, как никогда, но луны не было — в эту пору она ещё за гребнем леса. И журавлей видно не было, но по долготу и высокому их призыву ясно было — идёт большая стая. Алексей Иванович уставился не мигая, и видно стало, как то одна, то другая звезда исчезала на миг: то прикрывали их незримые, идущие высоко над землёй журавли.

Стало не по себе... Алексей Иванович медленно побрёл домой, поставил чайку. Да уже больше и не ложился: что же это такое? На рассвете прошли ещё две станицы журавлей. Что-то не ладно в мире. Не ладно. Старуха-то тоже полночи не ложилась — молилась всё. А после — чудное дело — безо всякого ворчания легла да и уснула сразу. Ну что ж: охи охами — дело бабье, — сон сном: утро вечера, как говорится...

А старик думал: «Надо пойти сказать людям. Они, может, по суете не заметят... А начальники что — они в городах сидят — там журавли не летают...» Впрочем, дело происходило не в старину, а в наши дни. У старика была «трубка», и поутру он принялся звонить. Звонил он редко, а ему и вовсе никто не звонил... Разве дочка, когда раз в год «на дачу» соберётся. ...Был бы колхоз — пошел бы к председателю. Но где тот колхоз, где

председатель... Село позаброшено. Дома кто увёз, кто заколотил. Три дачника и две старушки. Ни одной коровы — какое ж это село?!

Но кому звонить — тут Алексей Иванович задумался. В милицию? — он припомнил, как о прошлом годе в райцентре убили его племянника. И он находился в прокуратуру, набегался, насиделся в очередях: «Эх, — говорят, — сам виноват!» А племянничек мужик-то был не старый, да и не пьющий. А вот как он выразился: «Хочу попробовать бизнесом заняться...» Попробовал.

Нет. В милицию Алексей Иванович не позвонил. Ещё за сумасшедшего примут. Позвонил пожарным:

— Это вас с девяносто первого километра беспокоют.

— Что у вас — пожар? У нас двести пожаров по области, звоните в район!

Алексей Иванович позвонил в район:

— Это вас с девяносто первого километра беспокоют. Алексей Иванович я...

— Да что вы достали нас звонками! Вышел-вышел к вам бронепоезд.

— Какой бронепоезд?..

— Ну, этот... пожарный поезд... тушит уже.

Лето было как никогда сухое: ни ягодинки в лесу, ни грибка. За железкой горел торфяник. Там с утра, грохоча буферами, маневрировал пожарный поезд. Трубку повесили — длинные гудки.

— Да-а, до Москвы далеко, а район это район. Надо звонить в Питер. Может, в «скорую» попробовать?

— Это вас с девяносто первого километра беспокоют... Тут у нас журавли летят.

— Ну и что?

— Дак они раньше середины сентября не летят. А сегодня тридцатое июля...

В это время над головой Алексея Ивановича появилась ещё одна станица. Он повернул трубку к небу:

— Вот, слышите...

— Ничего не слышу. При чём тут «скорая»? Звоните в МЧС.

Тут «трубочные» деньги у Алексея Ивановича кончились, и трубка замолчала. Теперь когда ещё приедет дочь или хоть позвонит и положит денежку на старикову трубку.

Однако там, на Севере, надвигается какая-то небывалая катастрофа. А может, и на всю планету надвигается.

Алексей Иванович с утра слушал «Маяк». Но в мире всё было спокойно: американцы орудовали в Ираке, в Афганистане их же били талибы... евреи бомбили Ливан, грузины делали вид, что идут войной на Абхазию. Про журавлей ничего не было слышно.

Алексей Иванович стал припоминать: ни он, ни его дед, ни прадед никогда не слышали, чтобы в июле... да что в июле, в августе — и журавли!

Вот ведь штука.

Но надо было что-то делать. Нельзя же сидеть сложа руки. Может, поехать в Питер? На приём к полпреду президента... — и Алексей Иванович представил, как он с вещмешком, в старых ботинках, чуть не в лаптях, придёт на приём: «Да меня тут же в воронок и упекут куда следует». Ну, в воронок, это он, конечно, хватил, но и в самом деле: кто ж такого примет-то... Другое дело с трубки звонить.

И Алексей Иванович пошел по селу. У старух каки трубки: дудки во дворе да лопухи, а вот у дачников... Он долго толковал дачникам, называл их «соседями»... Но что «соседи»? Целый день млели на озере, теперь принялись за шашлыки. То ли парень с девушкой, то ли муж с женой — не поймёшь: ни детей, ни хозяйства. Дачники... Журавлей они, конечно, не заметили. То есть заметили, но без всякого понятия.

Алексей Иванович не дурак человек был: в армии служил в разных местах. Даже в институт чуть было не поступил, но вернулся в село. Помнится, бабка-покойница (два класса церковно-приходской да «колидор») говорила им, молодёжи тогдашней: «Как же вы жить-то будете, ведь вы ж ничего не знаете!»

Ох, не знаем, ничего не знаем... Такое простое дело — журавли, а тут не знаешь, куда бежать. Как в воду смотрела покойница. Она из роду в род всё знала-ведала наперёд, а если чего не знала... Там вон церковь была. Поп бы надоумил.

Но что там церковь, но и кино-то, что в церкви было оборудовано, давно рухнуло и поросло чертополохом. Да если б и не поросло — что с кина толк!

Дачники меж тем разузнали по справочному номеру МЧС и набрали, и дали Алексею Ивановичу трубку, глядя не без опаски на его заскорузлые руки.

— Это вас с девяносто первого километра (хорошо не со сто первого, — мелькнуло в голове у Алексея Ивановича, — а то как и представляться) ...Алексей Иванович я... Вот журавли у нас... — и Алексей Иванович с дрожью в голосе в пятый раз рассказал про сие небывалое дело. Рассказывал и поглядывал на небо — не летят ли. Дачники тоже не без боязни озирались.

— Ну, а что мы можем? Ну, вы в зоологический музей позвоните или в Академию наук, пусть научного сотрудника пришлют.

— Дак на девяносто первый километр не надо присылать. Надо туда, на Север, где гнездятся... — и Алексей Иванович припомнил, как замирает птичий щебет в лесу перед пожаром: ещё и гарью не потянуло, а вся малая птаха ушла — как ветром сдуло. — Вы поймите, дело серьёзное. Может, ледник завтра начнётся, может, глобальный климат... — откуда такие словечки припомнил Алексей Иванович, и сам сдвинулся.

На том конце трубки помолчали:

— А может, не начнётся. Во всяком случае, МЧС тут ни при чём.

— Вы позвоните прямо товарищу Шойгу, он поймёт...

А дачница уже держала Алексея Михайловича за рукав:

— Ну, хватит, хватит — тариф междугородный, — чуть не вырвала трубку и нажала на кнопку: — Вы же видите — бесполезно, а денег сколько наговорили!

— Я вам сейчас отдам, — и Алексей Иванович достал мятую десятку.

— Тут не десятку, тут сотню нужно.

— Ну, сотни у меня с собой нету. Счас пойду дома поищу... А хотите вот яиц лукошко? Свежие яйки.

Дачники переглянулись:

— Приносите.

Алексей Иванович повернул к дому, а мысли прыгали в голове: ша от старухи попадёт за яйца, а толку — чуть! Шойгу, энтот басурман, позвонит разве! Что делать? Не-ет, надо ехать прямо в Питер, к самому товарищу

Клебанову. — Ба! — Алексей Иванович так и встал, — да что к Клебанову, надо — в ФСБ! Как же я раньше не подумал... — Да, когда было КГБ, то о нём не позабыл бы Алексей Иванович. А вот стало ФСБ — и словно нет его вовсе, а ведь кто должен безопасностью заниматься, как не они. И ведь занимаются верно! Точно, в ФСБ надо ехать, прямо в «серый дом» на Литейный.

— А вот интересно, — прыгало в голове у Алексея Ивановича с пятого на десятое, — и в Канаде летят журавли или только у нас?

Вечером он включил «Маяк». Опять бомбили Ливан, взрывался Ирак, горел Афганистан, — в общем, в мире всё было спокойно: никаких журавлей. Уже за полночь Алексей Иванович вышел во двор, кинул взгляд на небо: звёзд высыпало... И Млечный путь... какой-то странный. Тёмен, — ночь ли такая! — не светится... Ой, да он и шевелится!

— Старуха, а, старуха! — но старуха или не услышала, или уж отзываться не хотела. А Млечный путь поехал куда-то на восток и сполз со своего места... — Ба! Да это ж дым с пожарища тянет! Фу ты, Господи! Чего только не примерещится... Хорошо старуха-то не вышла, — опозорился бы: «Млечный путь поехал!» Смешно вроде, а сердце захолонуло.

Ночью опять не спал. И опять под утро одна за другой прошли две станицы и отмелькали под звёздами: «курлы-курлы». И как уснул Алексей Иванович — не заметил... А снилось под утро неладное.

...Вот приближается к земле огромный метеорит, а журавли уж знают и потому летят. Там, в Африке, в верховьях Нила, им будет легче пережить удар... То снилось, что снова, как в ледниковый период, покрылась Россия ледяным панцирем аж вплоть до Киева. И видит всё это Алексей Иванович как бы с птичьего полёта... То вдруг привиделось, что погружается наш материк в пучину океана и одна Африка и осталась, омываемая Северным Ледовитым... Но это даже и не с птичьего полёта, а откуда-то из космоса... Под конец приснилось то, что не в кошмарном сне, а на самом деле было в Питере в сорок первом году, перед самой войною. Тогда все крысы покинули подвалы и сплошной серой рекой потекли по улицам, покидая город.

Того сам Алексей Иванович не видел, ибо мал был и жил себе в своём селе, но позже слышал от питерских.

— Вот ведь, крысы-то знали, что война будет, голод, — помыслил во сне Алексей Иванович, и прошибло его холодным потом, как окатило из ушата. — Хватит, надо просыпаться! — решил он про себя и, осознав совершенную бесполезность своих действий, представив воочию, как он будет толкаться у парадного подъезда на Литейном, — проснулся. Сел на кровати, было темно... петух ещё спал на насесте...

— Какое ФСБ, — проговорил вслух Алексей Иванович, — надо ехать в церковь на исповедь. Страшный суд на носу.

— Чего-чего, — прохватила чутко спавшая старуха, — какой суд?

— Спи-спи пока... Первым поездом поедem в Питер, в грехах каяться. Ты, старая, сколь в церкви не была?

— Да уж годка три...

— Какое «три». Тридцать три! Вот тебе и весь сказ. А ты спишь ещё... Суд идёт.

Наутро Алексей Иванович встал, вышел во двор, взялся за топор по привычке... Во дворе лежали раскатанные, но недокорённые брёвна. Взялся, да задумался... Ни ночью, ни с утра не было ни одной стаи, — верно, все улетели. Он окинул взглядом село. Ни дымка над крышами, ни гомону... Ну, старухи, те тише мыши живут, а дачники, видать, уехали. Даже внучка не было слышно. Он бросил свою «стройку», тихо сидел наверху, в горнице. Читал, что ли...

Алексей Иванович воткнул топор в бревно и пошел собираться в город.

Мальчиш - Кибальчиш

(уже не сказка)

Жил на свете Мальчиш, жил Кибальчиш. Жил не тужил, в школе учился и песни пел, и в походы с ребятами ходил, и в небо глядел и в ясный день и в звёздную ночь. Высоко синее небо днём, а ещё выше — в звёздную ночь... Не нужно Мальчишу бояться, что придёт война, нагрянет разруха или иной черный день... Что закроет ворон черным крылом солнце, что нахмурится небо над Мальчишовой головой. Светло в Стране Советов и сегодня, и завтра, и во все времена. И отец весёлый — не курит, не пьёт, на завод идёт — песни поёт, и старший брат не пьёт — песни поёт, в институт идёт... А сестра поёт — в музыкальную школу идёт — а там-то уж все поют — так положено... Ну а мать их ждёт — на стол пирог кладёт и тоже песни поёт...

И всё бы хорошо, да что-то нехорошо...

Главный буржуйин в своём проклятом буржуинстве не ест, не спит — всё на Русь глядит. На Русь глядит — всё одно твердит: шли мы на Русь с четырех сторон — да сами на пепелище едали ворон. Шли мы и в давние времена, и в недавние годы: бились-бились, да только сами разбились... и не будет нам, буржуинам, покоя ни в светлый день, ни в темную ночь, пока стоит на свете Русская земля, пока шумят на ней хлебные колосья, пока поют и играют на ней дети, пока звенит весёлый смех. И любят там не за деньги, и строят там не за деньги, и пашут там не за деньги — и всё там не как у нас, проклятых буржуинов, а совсем наоборот! И крикнул главный буржуйин на всё буржуйинское царство:

— Эй, выползайте из щелей да из темных нор, проклятые буржуины! Или нам, проклятым буржуинам, век самим вековать, за бугор глядеть да завидовать, что другие живут — не деньгу гребут, не деньгу гребут, а песни поют! Всё у них на Руси не по-нашему, не по-наше-

му — не по-буржуйинскому! Шли мы на Русь с четырех сторон — да сами на пепелище едали ворон. Шли мы и в давние времена, и в недавние годы: бились-бились, да только сами разбились... Думайте крепче, проклятые буржуины, как извести нам Святую Русь, как уморить Страну Советов... Уж даже и не нужна нам ихняя земля, ихняя сыра нефть, ихняя желтая руда да белое олово... а тошно нам, буржуинам, что живут они не по-нашему, и оттого есть у них радость-веселье неизбывное, а у нас его нет как нет! И миллион нагребешь — мало, и миллиард нагребешь — мало, и всё как будто чего-то не хватает!

Думали проклятые буржуины тридцать лет и три года и говорят главному буржуину таковы слова:

— А и полно тебе, главный буржуйин, ковать танки-самолёты, полно делать бомбы-ракеты, строить морские корабли да подводные лодки, ибо сколько мы, проклятые буржуины, не построим, не возведём, сколько мы войск в бой не пошлём, все они будут разбиты на русской земле, и коль с мечом к ним придём — от меча и погибнем! А Русская земля будет век стоять, как стояла, и нам, проклятым буржуинам, оттого ни дна ни крыши ни в ясный день, ни тёмною ночью!

А надо, главный буржуйин, Русь лжой уморить да неправдой извести... И придём мы на Русь не с войной, а с подмогой: дескать, вы во тьме живёте — ничего не видите: дескать, белое это есть черное, а черное — приглядитесь! — это белое, а ваша воля есть неволя лютая! А возьмите вы себе волю по-нашему и живите вы на наш проклятый буржуйинский манер! А то, что кажется вам светло — то темь, а что кажется вам широко — то узь, а что кажется вам вольно — то неволя страшная! И бейтесь вы друг с дружкой за каждый кусок, и рвите вы у ближнего своего пос-

ледную рубаху, и забудьте вы страшное это русское слово: «на!», а знайте только наше буржуинское слово: «дай!» А когда закричит каждый во всю голову это волшебное наше коварное слово «дай!» — так станет сразу всего мало на русской земле и начнут они промеж себя биться, а сила их дробиться. И запьют одни с горя и заплачут, а другие нахпают и возрадутся, и запишем мы их в своё проклятое буржуинство: тут нашего полку прибыло, а ихнего — убыло! И замолкнут на русской земле весёлые песни да детский смех! И будет нам оттого и радость, и веселье великое на всё проклятое наше буржуинство!

— Славно-славно вы придумали, проклятые буржуины! Так ступайте скорее на Святую Русь, ползите швидко-прытко во все щели, и большие и малые, чтоб не осталось на Святой Руси ни одного места, где б не завелась наша гниль и гнусь — наше проклятое буржуинство... Чтоб не осталось на Руси никого, кто б не пожелал отнять у ближнего своего иль вола его, иль жены его, иль хоть последнего мятого деревянного рубля его! Ползите же и не приползайте назад без победы!

И поползли проклятые буржуины, и полезли: не гремят снаряды, не свистят пули, не тянет гарью, не пахнет порохом, а ползёт по Руси гнусь и мразь, и говорит брат брату: то моё, а то — моё же... и начинают братья про малое — «се велико!» молвить... И вот уже свистят пули, и вот уже летят снаряды: то стреляют русские танкисты по своему верховному совету, то стреляют бандиты в темных переулках, то бьют наши войска наших же граждан то в высоких горах, то на широких долинах...

Не дымят заводы, не пашутся поля, — запили мужики, запричитали бабы... А кто обокрал под шумок ближнего своего — тот возрадовался: пишут плохиши письма главному буржуину: «Возьмите меня в своё проклятое буржуинство!» А тем, кто не просится в проклятое буржуинство, шепчут буржуины в оба уха: «Напрасно вы жили на вашей бедной земле, напрасно воевали, ни за что проливали свою глупую кровь! Нет смысла в вашей нищей жизни ни ныне, ни присно, ни во веки веков!»

Остался отец Мальчиша без работы: не стоит он за своим станком, не выпускает железные тракторы, не поёт свои весёлые песни... Запил отец горький самогон, закурил злой самосад.

Не учится старший брат Мальчиша, слушает буржуинскую музыку, колет буржуинские наркотики — где уж ему запеть весёлые песни... Не поёт весёлые песни старшая сестра — не пошла она боле в свою музыкальную школу, а пошла по рукам нечистым...

— Славно-славно! — шепчут проклятые буржуины, — наслаждайтесь жизнью, берите от жизни всё! Берите-берите, а то — другим достанется!

Увидал это старый дед, сел на завалинку, опустил голову да заплакал...

— Ничего-ничего, — шепчут проклятые буржуины, — скоро тебе, деду, помирать — недолго плакать! А деревню твою заколотят, а поля — сами зарастут! А вашего полку убыло, а нашего полку — прибыло!

Только Мальчиш-Кибальчиш да его товарищи не слушают проклятых буржуинов — учатся в школе хорошо, занимаются в клубе при своём храме русским рукопашным боем, стреляют из автомата, да скачут на коне, да распевают казацкие песни:

*Полно вам, снежочки, на талой земле лежать!
Полно вам, казаченьки, горе горевать!..*

— Вот вырасту, — говорит Мальчиш-Кибальчиш, — наведу порядок на русской земле!

А в это время спрашивает главный буржуин у своих буржуинов:

— Ну что, буржуины, добились вы победы?

— Нет, главный буржуин, — отвечают буржуины, — и отец у Мальчиша пьёт, давно не поёт и ничего уж не поймёт, и мать с горя слегла, не встаёт — ничего не поёт и никуда не пойдёт, и старший брат — наш! — сидит на игле, и сестра — наша! — гуляет во мгле... Им детей не рожать — нам, подлым буржуинам, не угрожать!.. И совсем уже была наша победа, да живет на русской земле Мальчиш-Кибальчиш со товарищами, и никак мы с ними всё ещё не справимся...

Рассердился главный буржуин, закричал он грозным голосом:

— Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Уж сколько вам плачено-переплачено, уж сколько на вас всего затрачено — и бочки варенья, и корзины печенья, а вы не можете разлечь такого маловатого! Уж подарите вы каждому комп-интернет, уж купите вы всё телевиденье,

уж напечатайте вы им книжки с картинками, чтоб от компа у них глаза слиплися, чтоб играли в игры наши буржуинские, чтоб играли — не наигрались, чтоб смотрели мерзость — не насмотрелися, а если кто читать удумает — чтоб читали нашу гадость — не начитались! И чтоб пошел Мальчиш, куда и старший брат пошел, и чтоб его уж там никто не нашел! Ползите скорей и не приползайте без победы!

И вновь поползли проклятые буржуины по русской земле, и вновь воротились к главному буржуину:

— Уж как мы, проклятые буржуины, старались, старались — чуть не разорвались: уж мы ввали-ввали, уж мы лгали-лгали, мы всю Русь кругом объегорили. Все победы у них украли, обернули победы бедами! И уж так орал, что сами устали, да чуть сами же и не поверили... Вот и армия уж не та и флот не тот: армия гуляет, флот — утоп! И мент — наш — смотря сколько дашь! И министр — наш. И в Кремле — наш, и вокруг наш... И совсем уже была наша победа, да живет по-прежнему на русской земле Мальчиш-Кибальчиш со товарищами, и никак мы с ними всё ещё не справимся...

Рассердился главный буржуин, запищал сорвавшимся голосом:

— Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Уж сколько вам плачено-переплачено, уж сколько на вас всего затрачено — сколько долларов напечатано, и сам не знаю, а вы не можете растлить такого маловатого! Вот что, проклятые буржуины, идите и выпытайте у Мальчиша его военную тайну.

Отчего это, Мальчиш, бились с Красной армией сорок царей да сорок королей и всё проклятое буржуинство, бились-бились, да только сами разбились?

Отчего это — и отец уже наш, и старший брат — наш, а не можем мы растлить такого маловатого? Отчего это — и армия кирдык, и флот — утоп, а боимся мы ступить на русскую землю? И нет ли у этих мальчишей своего телеканала, что смотрят они тайком от наших плохишей, и нет ли у них своего Интернета, в который нашим проклятым буржуинам не зайти и не выйти, и не читают ли они тайком русские книжки?

Уползли проклятые буржуины, да вскоре опять приползли:

— Нет, главный буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш своей военной тайны, а рассмеялся нам в лицо: — Есть, — говорит он, — у нас великая военная тайна, и как бы ни развалили вы Красную армию, а будет она вам страшна, и не будет вам победы во веки веков!

— Есть, — говорит, — и свой Интернет, где вся правда-матка имеется, да только вам, проклятым буржуинам, туда не войти, как не войти верблюду в игольное ушко!

— Есть, — говорит, — и своё русское телевидение, да только вам, иуды, змеи склизкие, не видать его как своих ушей. И русские книжки на русской земле ещё имеются! А отец мой пьёт, да до конца допьёт, а до конца допьёт — откапает пулемёт. А брат мой умрёт, я вместо него вырасту — отомщу за сестру и мать! А наше, — говорит, — дело правое, и главный буржуин, — говорит, — будет разбит, и победа, — говорит, — будет за нами! — Да ещё сказал: — Да воскреснет Бог, и расточатся врази его! — отчего нас в дрожь так и бросило... — А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, вовек не догадаться.

Завопил главный буржуин тухлым голосом:

— Готовьтесь же, проклятые буржуины, к последнему сражению! И будет то у нас не лёгкий бой, а тяжелая битва: ведь надо нам, буржуинам, добрыми сказаться, честными показаться, щедрыми выказаться — Россию полюбить! Я ведь и сам Россию люблю, уж так люблю: и нефть её люблю, и уголь её люблю, и меха её люблю, и икру красную да икру черную... а уж как русских людей люблю... когда спят они рядком на кладбище! Уморите вы Русь, изведите вы Русь, заселите вы Русь таджиками! Уж таджик смирён, уж таджик молчком, уж таджик бочком пробирается... Торопитесь же, проклятые буржуинища, а то опередят нас китайцы узкоглазые!

— А Мальчиш-Кибальчиш — он и комп не берёт, и в Интернет не идёт! Что же делать нам с этим Мальчишищем?!

— Вы пишите везде, вы шипите всюду, вы повсюду теперь разглагольствуйте: нет, мол, Мальчиша-Кибальчиша, нет, мол, да никогда и не было! А кому там приснилось-поблазнилось — пусть пойдёт, дурак, опохмелится...

И гуляет Русь, веселится Русь, а в Руси той гнущь, а в Руси той грусть... а в Руси плохиши —

нет живой души: в Мальчиша плохиши не веруют... ну а Бога и вовсе не ведают...

В кабаках — плохиши, и в церквах — плохиши... они крестят и лоб свой, и пузечко. И коптят себе тихо свечками, только Бога они не ведают!..

А Мальчиш живёт, Кибальчиш — поёт, и его весёлое времечко еще как придёт!

Не хрипи ты, Русь, не глупи ты, Русь, не скрипи телегой несмазаной:

*Корабли плывут — Мальчишу салют,
Поезда бегут — Мальчишу салют,
Самолёты летят, словно ангелы...
Мальчиши — живут, мальчиши — растут,
Мальчиши непременно вырастут!*

ЕЖИР

— Два с половиной миллиона, два с половиной миллиона, понимаете?! Конечно, это инопланетяне сделали. Каждый блок до двух тонн! И два с половиной миллиона... — И это советский космонавт говорил! От кого от кого, а от известного космонавта я не ожидал! А космонавт вещал с экрана не менее известному ведущему академику о строительстве египетской пирамиды. Но мне, простому советскому прорабу, забавно было слышать о том, что пирамиды построили инопланетяне... Помнится, Геродот писал, что пирамиду Хуфу (она же Хеопса) строили сто тысяч рабов двадцать пять лет.

— А ну-ка, проверим, — и я достал с полки залистанный до невозможности ЕНиР (Единые нормы и расценки) на строительные работы — это моя главная на работе книга. — Итак, изготовление, транспортировка и монтаж блоков вручную... Впрочем, как ясно видно на фресках — транспортировали блоки вола, а рабы шли рядом да посвистывали. Но ладно, примем, что

Буржуинское племя иродово ничего с мальчишами не сделает! Бо работаем мы — не для денежки, а поём — не чтобы захопали. А уж любим — не чтобы любили нас: буржуинство у нас не задержится. А Россия никак не минуется...

*И ныне, и присно, и во веки веков.
Аминь.*

«вручную». После несложной арифметики оказалось, что Геродот зависил сметные трудозатраты в десять раз. По нашим нормам получалось, что для строительства требуется не сто, а десять тысяч человек... или строили её не двадцать пять, а два с половиной года.

Впрочем, Геродот вряд ли привирал. То ведь наши советские расценки, рассчитанные на якобы самого ленивого русского мужика, а строили пирамиду хиломощные иудеи и прочая рабская сила. Оно, конечно, космонавты или там академики такой ценной книги, как ЕНиР или СНиП, в глаза не видали, да и сами не катали камни вручную. Однако даже и самые неплохие люди, — не то чтобы агенты ЦРУ, — с Петровских, может быть, времён ещё, успели внушить и себе и всей России, что мы самые отсталые.

И я стал припоминать, откуда что взялось...

Так, например, описывая Барнаульский завод в 1771 году, Фальк и Паллас обнаружили заводскую паровую машину. Не покраснев, великие

учёные описали, что сделана она «из кожи, пробки и берёзовой коры». Между тем перед ними стояла металлическая двухцилиндровая паровая машина Ивана Ивановича Ползунова — первая в мире (1763). Только через двадцать лет свою машину построит Джеймс Уатт (1784). Управители алтайских рудников немцы Ирман и Меллер по навету «учёных» сравнивают творение Ползунова с землёй, ибо было сказано, что «конный привод для России — лучше». Позора сего Иван Иванович не застал, — он умер от чахотки в 1766 году. А явившаяся после английская машина оказалась по своему чертежу, заметим, лишь модернизированным вариантом ползуновской. Однако в учебниках пишут, что-де Уатт...

Многочисленные «описыватели» России вечно путали две вещи: творческое начало народа и его стремление к наживе. Изобретателей у нас хватало всегда. Была передовая техника и наука, но капиталистические отношения не развивались, — не принимала их душа народная. Ни при каких обстоятельствах нельзя было убедить русского мужика, что «собираение сокровищ на земле» — это достойное занятие...

Есть в нашей «отсталости» и другая причина. Петровские установки, заключавшиеся в том, что весь прогресс от Запада, — были не просто главенствующими идеями на протяжении столетий (да и по сей день!), а и воплощались в конкретного чиновника, стоящего на пути всего самобытного отечественного.

Не повезло и нижнетагильским крепостным Ефиму и Миرونу Черепановым — строителям первого паровоза (1834). О них не вспомнили, когда началось строительство железной дороги Санкт-Петербург — Царское Село, отдав дело в руки англичан.

Андрей Константинович Нартов создал современный токарный станок, снабдив его суппортами. Первая электролампочка, электросварка, первый ледокол, подлодка, радио, самолёт, вертолёт, ракета... список можно длить и длить. Но вот откроешь энциклопедию... оказывается, весь мир знает про Уатта, а не про Ползунова. Ну а кто Вторую мировую выиграл?..

Ну, ладно.

Борис Семёнович Якоби — создатель русского телеграфа. И что же? Николай I отдал на откуп изобретение заезжому коммерсанту Сименсу. Одно из главных изобретений Якоби —

электромотор (1834). И, подумать только! — электромобиль (1837), электрокорабль (1838). Ну, о Якоби ещё как-то говорят. Но, видно, и говорят потому только, что фамилия немецкая.

Ладно, едем дальше: Александр Фёдорович Можайский самолёт, конечно, не изобретал (1878), а вот братья Райт... Хорошо, дойдём и до лампочки. Лампочка Павла Николаевича Яблочкова загорелась... Впрочем, ещё раньше загорелась лампочка Александра Николаевича Лодыгина (1873). Лампочка Эдисона, которого, кстати, финансировал Д. П. Морган, загорелась семью годами позже. А до этого на Парижской выставке (1878) электричество было названо «русским светом». Меж тем доведённый до нищеты Лодыгин уехал в Америку, устроился главным инженером на тот самый «Вестингауз». Именно Лодыгин и построил в Америке ламповый завод. В 1881 году известный французский журнал, возмущенный американской «прихватизацией» русского изобретения, писал: «А Лодыгин? А его лампы? Почему уже не сказать, что и солнечный свет изобретён в Америке?»

Это всё известные факты, но... открываешь энциклопедию: Эдисон! Ну не чудеса ли!

Ладно, едем дальше.

Первый вертолёт взлетел у Сикорского в 1940 году! Опять наш человек, опять Америка... Ой, чтой-то знакомый чертёж у этого геликоптера! А вот он — один к одному у профессора Б.Н.Юрьева. В 1909 году его вертолёт был уже построен, а Сикорский... что Сикорский — он был тогда у Юрьева студентом. Помогал. Помогал он не один, а с Н. Камовым. Вот знакомая фамилия! Знаменитый создатель Ка-50 — «Черной акулы» и всех предшествующих «Ка». Преклоняюсь, однако, перед скромностью Камова. Его первый вертолёт взлетел не в Америке, а в России, и не в 1940-м, а в 1930-м, и был успешно принят комиссией РККА (членом комиссии был Борис Николаевич Юрьев). Впрочем, в серию он не пошел, — эпоха вертолётов ещё не наступила. Но он летал, летал успешно. Никогда не слышал, чтобы Камов оспаривал своё первенство у Сикорского. Почему? А потому, наверно, что изобретателем себя не считал: просто довелось завершить работу учителя. Ну, а Лодыгин... он ещё в 1869 году предлагал электрический геликоптер...

Или вот Зворыкин: электронная трубка, осциллограф, электронный микроскоп, телевизор... и в итоге — компьютер же, ибо без монитора не было и компьютера. Бог с ним, со Зворыкиным. Скромность, опять же.

Выходит, русский мужик не лыком шит. И ряд имен можно было бы продолжать.

Но я расскажу о своём опыте...

Я был специалистом по капитальному ремонту металлоконструкций...

А надо сказать, что до революции в Питере существовал огромный Путиловский завод. Потом его разделили на две части: там, где тракторы и танки, — это назвали «Кировским», а где строили корабли — это завод имени Жданова. Вот на ждановский завод меня и пригласили. Это был 1989 год. Предстояло обследовать «путиловский эллинг» и... разобрать его на металлолом. На этом эллинге Путилов клепал броненосцы для государя императора. А каждый броненосец — это всё равно что «Титаник». Сейчас таких эллингов и нет. Увидел я его и рот раскрыл... Во-первых — красиво. Тут и конструктивизм, тут и питерский модерн, и нечто своё — русское. Кто видел Витебский вокзал (кстати, тоже — первенец, первый в России вокзал) — вот такое же кружево металлических конструкций. Только эллинг в двадцать раз больше. Тут ведь каждая заклёпка — не заклёпка, а в виде розочки оформлена. Красиво и грандиозно... Для тех, кто понимает в строительстве: пролёт эллинга (т.е. от стенки до стенки) — 125 метров, длина полкилометра, да от пола до крыши — 150. Это сейчас. Пола-то раньше не было — был канал, но он засыпан, заасфальтирован, используется как склад. В общем, внутри эллинга разместились бы и Исаакиевский собор (104 м), и Петропавловка (123 м), да и пресловутая инопланетянская пирамида, она — 140 метров. Я подивился, как это всё было сделано: какой расчёт. Залез наверх: о-о-о! Чуть не Финляндию видно через залив! Питер весь как на ладони: Исаакий, Троицкий, Никольский, портовые краны, гостиница «Советская» торчит... Красота... Но как тут всё сделано, как сделано!

Я прикинул туда-сюда: вес одной фермы выходил 350 тонн. Для разборки нужен кран, берущий 350 тонн на высоте 150 метров. Таких в мире ещё нет. Самый мощный кран был, кста-

ти, у меня же на объекте (вторую очередь Кировского строил). СКУ-1500 назывался. Он брал 1500 тонн, но только у себя под носом.

Я объяснил заказчику, что техники такой, чтобы разобрать, — просто не существует.

— А если взрывом? — предложил главный инженер.

Я быстро прикинул: срезать надо пластидом, и все колонны одновременно. После этого будет завал-головоломка, который ничем не разберёшь... А взрыв по мощности... — сейчас посчитаем... от завода ничего не останется. Да и пол-Кировского района ударной волной...

Главный инженер задумался:

— Ну, вы идите, помыслите, может, как-то можно...

— Да нет. Шкурка выделки не стоит: несколько тысяч тонн металлолома по 30 рублей за тонну... Да и вообще, это невозможно на сегодняшний день.

— ...

Но всё же я пошел снова, посидел, полюбовался... У стенки ржавели два брошенных ракетносца. Они выглядели игрушками рядом с путиловским эллингом. Да, ржавели... Горбачёвское «ускорение» уже началось, и оборонка, да и вся страна, успешно разрушались... Лет через пятнадцать я увижу эти ракетносцы по телевизору. Их подкрасят, достроят и продадут счастливым китайцам. Они и 15 лет спустя «не будут иметь аналогов за рубежом».

Но тогда я сидел и думал: как же русские мужики голыми руками, примитивными паровыми лебёдками за два года построили этокое восьмое чудо света?

Это после Цусимы было. Государь приказал строить новый флот. И построили. И флот этот достойно встретил четырнадцатый год, и до сорок пятого то, что сами не утопили, оставалось в строю.

Где-то в музее видел я старую гравюру: несколько тысяч мужиков, закинув канаты через блоки, ставили на Дворцовой площади Александровскую колонну. Для сего была сделана из брёвен конструкция в виде буквы «П». К перекладине были завешаны блоки, и... раздва — взяли! Сходите на Дворцовую, посмотрите на колонну...

А тут повыше было: выкладывали срубы на 150 метров, подымали уголки, полосы, тавры и

клепали там на высоте. Чудо техники и красоты! Потом срубы разбирали... Сейчас, через столетие, при всём нашем «прогнесе» — нам не повторить.

А какая сталь!

В наше время обычная строительная сталь — «сталь три» — выдерживает 2400 килограммов на сантиметр квадратный. А для расчётов полагалось на всё дореволюционное (ржавчина, примитивные технологии проката!..) считать «сталь один» — 1500 кг на см. Однако...

С этим я столкнулся ещё на Кировском, когда ремонтировал цех МХ. Он тоже путиловской постройки, хотя поменьше. Его в блокаду бомбили сильно, но люди работали под огнём. Под стать людям старались и конструкции: когда через сорок с чем-то лет я залез наверх — картина предстала удивительная: фермы от осколков были как решето. В некоторых местах в рабочем сечении оставалось по 30 процентов металла! По всем расчётам, цех должен был трижды рухнуть ещё тогда, в сорок первом. Но он стоял. Подо мной внизу трудились люди, они не ведали, что над их головами уже много лет, вопреки законам сопромата, висят тысячи тонн металла. Я отрезал пропаном кусочек и отправил в лабораторию...

Итак, «примитивный прокат... ржавчина...» Сталь выдержала — 3200! Мы почесали в затылках. Вот почему цех стоит... Такая же сталь, видимо, была и на эллинге. Путилов ка-

тал прокат свой на совесть, и сомневаться в этом не приходилось.

Я распрощался с заказчиком и ушел. В ближайшие сто лет вряд ли кто разберёт это. Да и не надо. Пусть стоит как памятник русскому человеку — инженеру, прокатчику, рабочему... Не Кижамы одними славен русский человек, не плотницким делом только...

Сколько обследовал я разных конструкций, и почти каждая — памятник. Охтинский мост, первая электростанция на Обводном, да тот же Витебский вокзал. Жаль только, что главные сооружения скрыты от горожан за заводскими заборами. Но, может быть, и откроют когда-то?

Первый паровик, первый самолёт, первая ракета... Кто сказал, что русский человек долго запрягает? И запрягает быстро, когда надо, и едет с разумением: где медленно, а где быстро. И не по лености медленно, и не по глупости — быстро. Вот только не любит он грудь-то выпячивать, дело делает тихо.

А вы говорите: пирамида... инопланетяне... У нас бы раз в десять быстрее вышло с пирамидой, даже если вручную, — посчитайте по ЕНиРу, товарищи. Только вот ни к чему она нам, ни к чему...

Тётя Зина Сидорова

Солнышко-то какое. Тепло... Ну прям июль, а ведь — весна: первые желтенькие одуванчики кой-где едва-едва...

Смотрю — тётя Зина Сидорова картошку сажит. Я к забору подошел:

— Бог помощь, тётя Зин!

— Спаси Бог, Ваня... — и дальше копает... — В этом году конец света будет — ты знаешь?... — спокойно так сказала, даже радостно.

— Зачем же вы картошку сажаете?

— Так конец-то в сентябре, а картошку я в августе уберу...

Мне это как-то не показалось... Я головой ей кивнул и пошел...

Оно, конечно, будет когда-то конец, но откуда знать — когда. По телику ведь правды не скажут, а тётя Зина...

Смотрю, той стороной улочки мужик прошмыгнул — и в заулочек. Как на Васю похож... Вася-то, дружок мой по школе, — давно помер...

Не перепил всей водки — разве ж всю перепьёшь! А этот... вроде как и кивнул мне, сворачивая... Странно. Уж больно похож...

Дальше смотрю: Иван Иванович перед домом телегу чинит. Чинит и с петухом разговаривает. Передок вытащил, шкворень выбивает: петух смотрит неодобрительно. Иван Иванович ему слово — тот на ответ ему — своё... Я ближе подошел:

— Здоров буди, Иван Иванович!

— Так здоровье-то нынче вроде как и ни к чему...

— Что ты, Иван Иванович, окстись!

Иван Иванович перекрестился. Удивительное дело — совсем безбожный был человек. Вот что делается! Я ведь годков пять, да не... — все десять — в родном городке не был!

А петух посмотрел на меня одним глазком и прокукарекал... То ли сердится, то ли одобряет...

— Помочь, Иван Иванович?

— Ты иди-иди. Вон у тебя сколь делов ещё... — я не понял, о чем он, но пошел. Больно он уверенно это сказал. Спокойно.

Улицу-то как размыло вниз к реке... Как не было асфальта при царе Горохе, так и нет ныне...

У пивточки народ стоит, вроде как всегда... Вот где информационный центр — тут вся правда-матка обнаружится... С виду-то тихо так, спокойно...

Подошел поближе — тоже про конец толкуют:
— Он, конец-то — совсем конец али не конец ещё?

— Совсем конец.

— А дальше-то как? Ведь после конца что-то же да будет?

— Не знам.

Смотрю: все с кружками в руках, ну как положено... только-то пива в них нет! Выпили ли всё и так стоят или уж так теперь полагается...

Вот дела... Приехал, называется, на родину...

А ведь тётя Зина Сидорова, — точно-точно, — ведь Лизка в Питер приезжала — сказывала, а я и забыл, — тётя Зина тот год померла... И Вася... и Иван Иванович. Да и вообще все эти мужики — незнакомые совсем лица... Уж в своём-то городке я вроде всех знаю! Может, это которые тоже — умершие все? Может, это... конец-то уже наступил, а я один проспал как-то? Или уж сейчас сплю? Не разберёшься...

Настоящее православие

Я помню, батя меня учил: чем, мол, отличается воспитанный человек от невоспитанного... Невоспитанный, если навернётся мордой в грязь, так тут же и выдаст — и так и этак и по такой-то матери... А воспитанный — всё это подумает, но вслух — ничего. Промолчит. Я это вспомнил всё, когда на исповеди был у старца в монастыре одном. Он-то мне другое сказал: чем, дескать, отличается настоящий православный от ненастоящего — ненастоящий упадёт и, падая, и так и сяк, но про себя — молча. Ибо неудобно и Бога боязно... А

настоящий — хлоп мордой — и при том — «Слава Богу за всё» — скажет...

Ну... этот разговор давно приключился. А вспомнил я его в один миг, в одно мгновение у меня в мозгу промелькнуло. Пел я, напевал за работой... настроение хорошее, и чуть не Иисусову молитву творил, и тут молотком по пальцу как зашарашил:

— У-у, ч... — неправославное слово вырвалось... И вот когда вырывалось — тогда и промелькнул у меня в памяти разговор тот монастырский.

Стыдно.

Нет, думаю, так дело не пойдёт — не совсем же я человек пропащий: в следующий раз, когда по пальцу стукну, обязательно скажу: «Слава Богу за всё!»

Работаю дальше и ловлю себя на мысли, что вот даже как-то жду этого следующего раза. И чувствую, что если специально по пальцу-то стукнуть, то, пожалуй, стерпеть можно и тут скажешь по-заученному: «Слава Богу»... Но ведь это нечестно. Чего ж я себя обманывать буду! Нет, специально стучать не годится... Но как-то даже, смотрю, и не поётся уже — в ожидании. А долго ждать-то? Ведь плотник я не худой, не из последних... может, до конца сезона по пальцу ни разу и не попаду! А так, чтобы мордой в грязь — и этого ожидать не приходится — не пьяный ведь... Да и грязи на нашей улице не видать...

И всё колочу, колочу, этак-то рассуждая, и так вот жду и напрягаюсь, и не поётся вовсе... Ну, в общем — дурак дураком.

Затеял было молитву — какая там молитва! — одно искушение... И работа не в радость — уж скорей бы что-нибудь да стукнуло!

И стукнуло. Полез по лестнице на кровлю —

ступенька гнилая и проломилась... а в руках бензопила заведённая — по ноге полоснул...

— У-у! — вырвалось... а потом: — Слава Богу за всё... — Ну не сразу за Бога, но хоть и ч... не помянул. «У-у» — это уже первая ступенька на лестнице... Сапог разрезал — это жалко, а нога — заживёт. Главное — опять поётся за работой, и не жду ничего. А чего ждать? Чему быть — того не миновать.

□

Андрей Вадимович ГРУНТОВСКИЙ —

*поэт, прозаик, публицист, театральный деятель,
литературовед, фольклорист.*

*Публиковался в «Роман-журнале», «Молодой гвардии»,
«Встрече», «Авроре» и др.*

*Автор книг «Плотницкое дело», «Материк Россия», «Страна детей»,
«Донюшкины сказки», «Моя родословная», «Ландышевая страна»,
«Вострубили трубушки» и др.*

*В качестве соавтора участвовал в подготовке книг
«У золотых родников», «Наедине с Рубцовым»,*

«Дмитрий Балашов на плахе», «Рубцов и православие» и пр.

*Известный специалист и автор многих работ
по русскому кулачному бою.*

*Создатель и руководитель православного театра
в культурном центре Свято-Троицкой Александро-Невской лавры.*

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

